

ОЛЕГ РЯБОВ

ТРУБА ЖИЗНИ

ПОВЕСТЬ

Страшное, кошмарное выдалось лето 1972-го. Сто с лишним дней — ни капли дождя, а кое-где и дольше. Горели леса и торфяники, деревни и города. От дыма было не продохнуть, люди ходили в масках. Маленькие речки пересохли, а в крупных кое-где вода так разогрелась, что рыба сварилась и плыла варёная вниз по течению, белея своими мёртвыми брюхами. Звери походили с ума и бегали обгорелые по центральным улицам городов: и медведи, и кабаны, и рыси. Дым стоял такой, что самолёты перестали летать, а для поездов пришлось утверждать новые маршруты и расписания. Выгоревший торф образовывал под землёй такие полости, что в них проваливались и автомобили, и трактора. Да что там: дома и целые деревни проваливались. Ухнет гулко, и нет ни трактора, ни дома, только сноп искр, и поминай как звали.

Шатура, Балахна, Керженец стали центрами мировых событий в то лето для русского уха, а не Рим, Париж и Лондон. Каждый житель страны знал теперь, где находятся эти русские поселения и как там идут дела.

Пошли дожди, но они не помогли, только дыма поменьше стало. А когда выпал снег, ещё страшнее стали смотреться эти сотни тысяч выгоревших гектаров когда-то красивого русского леса, мёртво стоящего вдоль наезженных

РЯБОВ Олег Алексеевич родился в 1948 году в городе Горьком. Окончил Горьковский политехнический институт. В научно-исследовательском радиофизическом институте занимался проблемами внеземных цивилизаций. С 1968 года стал печататься в журналах "Наш современник", "Нева", "Север", "Молодая гвардия" и др. Поэт, публицист, прозаик. Лауреат литературных премий. Член Союза писателей России. Главный редактор журнала "Нижний Новгород", директор издательства "Книги". Живёт и работает в Нижнем Новгороде.

трасс. А снег всё валил и валил, а из-под него — дым горящих торфяников всё полз и полз.

Следующий год был объявлен годом борьбы с погорельниками: и Политбюро собиралось, и важные люди по всей стране совещались, и академики советовались, и народ как-то сам по себе тоже что-то решал. По весне пожарные бросились заливать недогоревшие торфяники, и толпы, тысячи, сотни тысяч солдат, студентов, инженеров и служащих, разбитые на бригады, отправлялись на уже подготовленный фронт работ: выпиливать, выкорчёвывать, расчищать остатки погибшего товарного леса и засаживать скорбные чёрные поля миллионами новых посадок ёлочек и сосенок.

Удачный повод выдался и для орготделов партийных структур различных уровней, чтобы помянуть нерадивых и засидевшихся руководителей, ликвидировать ненужные подразделения, создать новые леспромхозы, построить новые дороги, новые узкоколейки, новые зоны отдыха, новые заповедники да заказники.

1

Александр Иванович Тужилин третью смену безвылазно сидел в торфяном посёлке Кержаки. Приезжали студенты, весёлые, беззаботные, Тужилин разбивал их на бригады, назначал старших, расселял в пустующей школе, прикреплял по сменам к столовой, выдавал инвентарь, топоры, бензопилы, голочки, проводил инструктаж по технике безопасности, и — вперёд...

Многие студенты его хорошо знали: Тужилин работал заведующим кабинетом начертательной геометрии в строительном институте, и студенты были его, родные, строители. Окончил он институт уже после срочной службы в армии, и в том, что его оставили работать на кафедре, конечно, сыграло роль наличие партийного билета: в партию он вступил в армии. Ну, и ещё то, что дружил он близко с Вадимом Базаровым, своим армейским товарищем, который ух как быстро побежал вверх по партийной лестнице. Жил Тужилин с женой своей Ниной в комнатке институтского общежития, и студенты по-свойски, но уважительно часто звали его дядей Сашей, несмотря на то, что не было ему и тридцати.

И Тужилин, и Нина были родом из такой глубинки, таких глухих деревень, что рассказывать про их прежнюю жизнь — это просто лучше не рассказывать ничего. А интересно, что ли, про то, как в морозы со скотиной вместе в избах жили, а за водой с ведрами — на прорубь, а в тридцатиградусный мороз по нужде — во двор на обледенелую дырку.

То, что они сумели пробиться в городскую цивилизованную жизнь, они считали своей заслугой и победой. Притом наблюдались у обоих Тужилиных те два замечательных качества, которые нельзя не подчеркнуть. Во-первых, оба они обладали особой кондовой русской красотой, которую мы все очень хорошо представляем, но редко встречаем. Нина была стройна, невелика собой, с толстой, цвета светлой соломы косой, которую она халой укладывала на голове, обнажая лебяжью шею и маленькие ушки-ракушки; всегда она была улыбочива, отзывчива и внимательна. Александр — ростом под метр девяносто, с шевелюрой кудрявых, лезущих во все стороны волос, и всегда он занят тем, что помогает кому-то, и у него никогда не хватает времени на какие-то свои домашние дела. А во-вторых, что было у них общим, это полное отсутствие чувства зависти, этого всепожирающего русского порока, который, будто раковой опухолью, разъедает быстро и собственно душу, и любимое дело любого человека, если только просыпается в нём.

Нина была на три года помладше Александра, окончила она биофак и работала библиотекарем в городской библиотеке. То, что они четыре года живут в студенческом общежитии, ничуть их не смущало — знали Тужилины, как в стране люди живут. А многие ведь и не знают. Жили они вроде на радость и себе, и другим, да только пока Бог детей им не давал. И как-то исподволь, незаметно, на четвёртый год стала эта незадача смущать их обоих, но боялись они на эту тему не только разговаривать, но даже и думать всерьёз.

В то лето Тужилин, можно считать, почти три месяца не был дома. Почти, потому что раз в неделю удавалось заскочить на пару часов. Чмокнет Нину в щёчку и назад в лес. Без выходных, да почти и без сна, трубил он и боялся только одного: боялся день и ночь, что кто-нибудь топором себя полоснёт или цепь с пилы сорвётся и изувечит человека. Вот тогда и суд, и тюрьма, потому что всю технику безопасности он взял на себя. Он и в институте был заместителем главного инженера по технике безопасности. Но пока что обходилось — привалило, правда, одного местного бродяжку деревом, руку сломал, но повезло Тужилину: не его работник и к тому же был пьян.

С пьянкой имелись проблемы: каждый вечер несколько студентов сбрасывались по рублю и ехали на леспромхозовской “буханке” в район за вином или водкой, а то и бочку пива лысковского на шестьдесят литров как-то раз небольшую дубовую привезли, полную, забитую пробкой. Пиво оказалось вкусным и холодным, но наутро ползали все, как дохлые мухи, — Тужилин объявил банный день. Хотя надо отдать должное Тужилину как руководителю: каждую новую смену он, быстро определив, кто здесь “вино-водочный актив”, отправлял их в город, и порядок тут же восстанавливался. Ведь студентам платили сдельно, и очень хорошие деньги.

Раз в неделю приезжали комиссии: пузатые, в белых рубашках-безрукавках, что-то спрашивали друг у друга, тыкали пальцем в небо, ковыряли землю, нюхали обгорелую сосновую кору и уезжали. Привозил их всегда первый секретарь райкома Николай Иванович Варакин, будто на экскурсию. Он звал уважительно Тужилина дядей Сашей, а Тужилин его тоже уважительно, но с долей иронии, “дядя Коля”.

В сентябре на душе чуть-чуть полегчало: почуял Тужилин, что скоро кончится его урок, пора в институт, занятия начинаются. Вот в начале-то сентября и приехал к Тужилину Варакин, без водителя, сам за рулём, на забрызганном грязью райкомовском “газике”. И что-то ёкнуло внутри у Тужилина — нет, не от страха, бояться ему нечего было. Просто нутром понял он, что судьба его меняться будет. Но он ещё не знал в тот день, что человек приносит себя в жертву, когда соглашается даже на мало-мальски ответственный пост.

Николай Иванович вспоминал о своём военном прошлом где надо и не надо. Уж не знаю, с какими звёздами на погонах вернулся он с фронта, но то, что он курил только “Казбек”, картинно вынимая пачку из кармана пиджака, по-актёрски открывая её и угощая при возможности всех присутствующих, говорило, как минимум, о его полноценном капитанском звании, хотя внешне он и на полковника мог потянуть.

Тужилина Варакин встретил на автостанции посёлка — Александр Иванович только-только отправил на автобусе в город последнюю бригаду своих студентов. Сам он остался на пару дней: надо сдать инструменты, отчитаться за выполненные работы, по-человечески попрощаться с людьми, которые помогали тебе в течение нескольких месяцев.

Варакин мягко подъехал, не спеша вышел из своего вездехода, показательно открыл пачку “Казбека”, угощая Тужилина. Тот, улыбаясь, покачал головой: не курил Тужилин, да и Варакин знал про то. Засунул он коробку назад в карман пиджака, а потом снова вынул, да и закурил сам. Что-то изнутри будто тормозило его, а он всё молчал и не мог начать разговор.

— Знаешь, дядя Саша, разговор у меня к тебе более чем серьёзный. Давай пройдемся по Трубе, прогуляемся. Есть минутка для меня неспешная?

— Да пойдём, дядя Коль, прогуляемся. А что значит по-вашему, по-местному, “по трубе”?

— Как что? Ты здесь три месяца живёшь, а то, что вот эта центральная просека от Кержаков до Керженца, до речки, Трубой называется, не выяснил? Иногда её даже Трубой Жизни называют.

— Да ну? Нет, не выяснил. Хотя, может, и похожа просека эта на трубу.

— Просека эта длиной километров двадцать.

— Да знаю — чай, я ездил по делам по ней несколько раз до Комсомольского, до этого посёлка на берегу Керженца.

— Понятно. Так я тебе про Трубу расскажу. До войны, в тридцатые годы, просеку эту прорубили, лагеря здесь были сталинские: и в Кержаках, и в Комсомольском. Вот зеки и просеку эту прорубали, а потом и узкоколейку протянули, и паровозик по ней пустили с четырьмя вагончиками прямо от Кержаков до Комсомольского, там торфоразработки были. Паровозик маленький такой работал тут, сормовский, колёсики маленькие, база между колёсами в два раза меньше, чем у нормальных, современных. Я как сейчас помню. И бежит не быстро, пытит, дым из трубы валит — при желании и обогнать его можно, если бегом. И на дровах он пытел, работал, и на торфяных брикетах, и на угле. Отсюда до Комсомольского двадцать километров, так вот — он чуть ли не час дотуда шёл.

— А где же сейчас этот паровозик?

— А Бог его знает. Узкоколейку-то году в шестидесятом разобрали. Паровозик потом тут, в Кержаках, стоял на улице, за зданием администрации, ржавел, а потом, по-моему, какой-то музей железнодорожный его запросил, мы и отдали.

— Посмотреть бы.

— Да чего там смотреть! Вот Труба — это да! Настоящее гидротехническое сооружение.

— А почему гидротехническое? Геотехническое — я понимаю. Или лесотехническое — тоже ясно.

— Ты не бывал у нас тут весной, дядя Саша. А вот по весне, во время паводка, в Керженце вода поднимается иногда на пять, а то и на семь метров и разливается чуть ли не на десять километров, и весь лес в воде стоит неделями. А потом всё это постепенно-постепенно стекать начинает в Керженец. И речки, и ручьи с этой талой водой журчат меж ёлок и берёз месяц, а то и два. Вот иной раз по лесу идёшь и среди чащобы лесной видишь лодку. С чего она здесь, за несколько километров от речки, оказалась? А это рыбачишко какой-то по высокой воде ещё забрался порыбачить сюда, в лес-то, а пока сидел да сетки проверял, вода и спала, и пришлось ему лодку свою в лесу бросить.

Он рассказывал дальше о том, что асфальт лишь небольшим язычком выползал из посёлка на земляную дамбу. Та хребтиной острой торчала посередине просеки, которая, в свою очередь, глубокой трещиной расплосовала вековую заповедную заволжскую тайгу. Асфальтовый пятячок переходил в забутованную дорогу, не remонтированную и не поновляемую уже лет десять, а потому всю в ямах и колдобинах, а местами и крепко провалившуюся. Через три километра забутованная дорога переходила в лежнёвку, а и та тоже уже повывита была донельзя, до такой степени, что приходилось любому транспорту скатываться с насыпи и объезжать такие разбитые места по лесным буеракам.

Попервоначалу казалось, что продвигаться по этой насыпи можно на любом виде транспорта, но уже метров через пятьсот становилось понятным, что добраться по Трубе до Комсомольского можно лишь на тракторе или уж на самом что ни на есть вездеходе. Да где их набраться, вездеходов-то! Рельсы, как и паровозик тот сормовский, наверное, в металлолом были свезены, а вот шпалы коротенькие от бывшей узкоколейки, когда-то пропитанные креозотом, а теперь уже превратившиеся в труху, торчали кое-где по обочинам, ползасыпанные и полззаросшие. Обочины больше походили на достаточно глубокие овраги, в которых даже в самые жаркие месяцы мерцала холодная болотная жижа. Лежнёвка по насыпи делалась когда-то любовно и со знанием дела из половинок-плах еловых, а кое-где — берёзовых. Чувствовалось, что изредка она поновлялась, но изредка — это и значит, что редко. И когда это было?

Леса вокруг заповедные, мрачные, зверовые: и медведь есть, и лось, и кабан, и рысь. Волка своего нет — только проходящий. И непонятно: вот леса сказочные, и рядом — болота скрытые, которые этот лес берегут. Эти болота даже не почувствовали того страшного засушливого лета. Торфяники выгорели, а рядом болота — хоть бы что!

— Тут, мой друг, дядя Саша, каждую весну проблемы возникают, — продолжил свой рассказ Варакин. — В конце Трубы, километра за три до Комсомольского, по весне, то есть я имею в виду, именно в каждую весну, талые воды промывают насыпь, и течёт там приличная речка, поток такой, дня три, а то и пять, пока вся снеговая вода с леса левого берега не свалится в Долгое озеро да в Гусиное, а уж оттуда уже и в Керженец. Потом, через три дня, я даю им тут экскаватор, бульдозер, а трактор “Беларусь” у них и свой есть, и дорога, то есть насыпь, делается заново, до следующей весны.

— Что-то я не понимаю — как же тут паровоз-то ходил и узкоколейка лежала?

— А вот это и значит, что при Сталине в лагерях не только воры и бандиты сидели, но и хорошие настоящие инженеры попадались. Потому я и сказал тебе, что это гидротехническое сооружение. Из деревянных труб — а трубы те из нашей местной лиственницы сделаны, — так вот, из них была сделана настоящая дренажная система по отводу талой воды. Трубы — это плахи-половинки из лиственницы или пихты выдалбливаются, потом обе колоды составляются и крепятся, получается труба. А теперь — увы, этой системы дренажной нет.

— Глупость какая!

— В смысле?

— А в том смысле! Ты что — не можешь трубы нормальные, хорошего диаметра сюда притащить? Ну, такие, как в ливневые канализации ставят. Мало полметра — возьми восьмисотку, мало одной — поставь две.

— Это я понимаю, а как я её, эту трубу, сюда затащу?

— Как-как! У тебя такие друзья кругом и связи, я видел! Попроси у военных вертолёт, и все они тебе и притащат, и уложат. Точно я тебе говорю. Был бы я на твоём месте — так бы сделал. А в Комсомольском пионерских лагерей не один, а несколько устроил бы — там такой золотой песочек на берегу Керженца!

— Вот о чём я и говорю!

— О чём говоришь?

— Тихо, тихо, тихо, стой! Вон туда смотри. — Варакин пальцем указал на небольшую прогалину лесную, хорошо просматриваемую с насыпи лежнёвки.

Посередине прогалины торчал чёрный обгорелый столбик с метр высотой. Этот столбик вдруг двинулся и важно и неспешно пошёл в сторону леса, где и скрылся.

— Это что? — спросил Тужилин.

— Как что? Глухарь.

— Такой здоровенный? И чёрный! И как пошёл-то гордо!

— Конечно, чёрный, а глухарка — она коричневая. И птенцы, а они уже к осени выросли и крупные, тоже пока все коричневые. Вдоль просеки их полно сейчас можно встретить — они в дужках камешки себе наклёвывают. Зимой этими камушками в желудках своих хвою еловую перетирать будут. Так вот — хорошо ты, дядя Саша, сейчас сказал про это место, что, мол, на твоём месте. А говорю я это вот к чему: велели мне, дядя Саша, сделать тебе предложение. На последнем заседании бюро обкома решался и уже решился вопрос о создании крупного леспромхоза в нашей, заволжской части области. Возражающих очень много, в основном, из тех, кого волнуют флора и фауна, ну, животные разные, в общем. А в частности — вот эти самые глухари. Это понятно! Было найдено соломоново решение: сначала создать в двух заволжских районах, в том числе и в нашем, очень большой по площади заказник или даже заповедник — пока не решено. А при нём ещё и леспромхоз, в котором будут выращиваться миллионы саженцев-сосенок для новых посадок: погорельники-то засаживать надо. Под это выделяются серьёзные фонды: материалы, техника, люди. Будет создана и научная биостанция, база с лабораториями от биофака университета, и лесоводческое отделение сельхозинститута будет иметь здесь свой центр. Это тоже будет делаться здесь, и уже на будущий год. Нужен человек, который сможет всё это большое дело возглавить.

— Хорошее дело! Ну, и что?

— Как что? Этот человек — ты!

— Ты рехнулся, дядя Коля? Или за дурачка-переростка меня принимаешь?

— Да не рехнулся я. И не я тебя сосватал, а есть у тебя друг Вадим Базаров, он сейчас все эти вопросы в обкоме партии курирует. Все решения были приняты уже две недели назад, и мне было приказано с тобой переговорить, а я всё тянул, ждал, когда ты тут закончишь с детьми своими возиться.

— Николай Иванович, как ты себе это мыслишь? Мы с Ниной в общежитии студенческом почти пять лет живём, как в собачьей будке, но назад в деревню она ни за какие коврижки не поедет. Скотину кормить да за ней ухаживать, в огороде кверху жопой от зари до зари торчать, и в дому всё время что-то сломано и устраивать надо! Нет, и не мечтай даже!

— Я и не мечтаю — я знаю. Я тебя знаю и говорю об этом, как о вопросе уже решённом.

— И кем же ты меня тут видишь?

— Да не знаю: директором заповедника, главным охотоведом области, заведующим лабораторией, я имею в виду будущую биостанцию, — выбирай сам. Будет у тебя в городе квартира, дадут тебе, а здесь — служебное жильё, и машина служебная будет. Советоваться надо.

Где-то вдалеке чуть слышно зашумело, потом гул стал приближаться.

— Это что такое? Как поезд. Никогда тут не слышал, — спросил Тужилин.

— Это тайга гудит, — ответил Варакин, — тайга живая.

— Ага, у вас и тайга живая, и земля живая, и вода живая.

— Да у нас тут всё живое, и иначе нельзя.

2

С Ниной разговора не получилось — она просто хлопнула дверью и ушла. Хоть бы выслушала, что и квартиру в городе дают, и в Кержаках — не избу деревенскую, а тоже квартиру в доме специалистов с центральным отоплением, а участок под огород и с баней отдельно. И машина служебная есть — пусть пока и “газик”. Даже просто не выслушала — ноги в сапоги резиновые, плащ на плечи, зонтик в руки, и дверью — хлоп!

И вот — второй день нет её, и дома нет, и в библиотеке. Только подружка её, Алевтинка, тоже библиотекарша, вдруг ни с того ни с сего пришла на кафедру к Александру Ивановичу и для большого секрета, оглядываясь по сторонам, вытащила его в коридор.

— Саша, — зашептала она, держа крепко двумя пальцами Тужилина за рукав пиджака, — Нина твоя написала заявление на административный отпуск на две недели и сейчас собирает свои вещи у вас в общежитии. Она мне сказала, что собирается подавать на развод. Думай! Но мне кажется, что она того.

— Что того?

— Беременная она.

— Да иди ты.

— Вот тебе и иди ты! Я-то пойду, а ты?

Тужилин догнал свою ненаглядную Нину на автостанции — ещё как-то догадался, что она к матери поедет. И клялся, и божился, и умолял, только что по земле не катался — Нина смотрела на него, как на постороннего или как на пустое место. И только ступив на подножку сильно помятого и уже кое-где тронутого ржавчиной автобуса “пазика”, глухо и очень серьёзно произнесла:

— Рожать у мамки буду. Не приезжай. Позвоню.

— А я? А мне? — успел спросить Тужилин.

— Как знаешь, так и живи. Мне сейчас не до тебя.

Нина рожала в середине апреля в райцентре, в Арзамасе. Родила крепкого здорового мальчика, а саму её не спасли — умерла через два дня

в том же роддоме: сепсис. Вот такая глупость: в двадцатом веке в роддоме родами умереть. Когда Тужилину сообщили о сыне, он сразу прикатил. И Нину он ещё застал в живых, и похоронил её сам на местном кладбище.

Сына своего он на руках подержал, попытался ему прололкать что-то, но получилось плохо, хрипло, будто ворона каркнула. Тёща строго на него так посмотрела и сказала:

— Езжай, у тебя делов полно своих, мужских, мне Нина рассказывала. Как же она тебя всё поминала, как чувствовала, что не сдюжит. Сына я тебе выращу, не волнуйся. Это наше дело, бабье — рожать да детей растить. Нина его Сашенькой назвала — значит, так и зарегистрируем Александром.

Так судьба сама распорядилась будущим Тужилина. Вернулся он в город, промыкался тройку дней неприкаянно и непонятным образом снова оказался в Кержаках, где его и выловил Варакин.

А вскоре тёща тужилинская насовсем из своей деревни вместе с маленьким Сашкой перебралась в райцентр к своей второй дочери, бездетной да вдовой. Так и остался Тужилин-младший жить с бабкой и с тёткой в районном центре, в древнем городе Арзамасе. Только и райцентры разные бывают — в Арзамасе и народу живёт ой-ёй-ёй, много тысяч, а совсем недавно он и областным городом был. И в культурном, и в историческом плане многим городам Арзамас фору даёт.

В школу Сашка в Арзамасе пошёл, да только не стал Арзамас для него родным, не засосал, не успел, хотя бабку свою он за мать кровную почитал, а тётку так просто мамой Люсей звал. А в двенадцать лет уже забрал его отец в свои Кержаки, чтобы привыкал к нормальной мужской жизни, а не бабился. Школа, почта, магазин, амбулатория со своим фельдшером, клуб, баня общественная — всё есть в Кержаках, как в любом порядочном посёлке. Но есть ещё и тайга: зашёл в лес и можешь идти до самого Полярного круга, хоть тысячу километров — один раз железную дорогу перейдёшь в районе Котласа где-то. Правда, можно про тайгу и что-нибудь поильнее рассказать.

В домашней жизни Тужилин-старший был очень суров, даже аскетичен — ничего лишнего в обиходе, хотя всё необходимое старался иметь только лучшее. С сыном своим он тоже не любил миндальничать: вечером, чай попивая из большой кружки, попросит:

— Расскажи, как жизнь идёт?

Вот Сашка и расскажет и про школу, и про друзей, и про лес. А Тужилин-старший выслушает и срезюмирует ловко что-нибудь эдакое:

— Я почему тебя жизни не учу? Потому что научить этому нельзя, можно только каждый день примеры подавать — как надо правильно жить. Основные жизненные принципы и навыки ребёнок, да и взрослый уже человек не из советов родителей и не из книг нахватывает, а из жизни, из примеров, которые ему встречаются на каждом шагу. Видит ребёнок, как поступает несимпатичный ему человек, и начинает сомневаться в правильности поступка и старается так не делать. А вот увидишь ты, как хороший электрик розетку ремонтирует, а плотник стамеску держит в руках, и сразу заметишь много такого, чего в книжках нет, и, наверное, научишься.

Появилась у Сашки своя комната, своё личное время, которым можно было распоряжаться, но и обязанности появились: прибрать в доме, сходить в магазин, приготовить поест, сделать уроки. В Кержаках у Сашки появились и первые настоящие друзья-одногодки, а потом и первая, захватившая его надолго страсть, — фотография. Подарил ему батька фотоаппарат хороший по тем временам, дорогой “Зенит-ТТЛ”, а потом и всю аппаратуру для домашней фотомастерской: увеличитель, красные фонари, химреактивы, кюветы для проявителей да фиксажей и много ещё чего.

В школе Сашка учился хорошо, все предметы давались ему легко, и учителя сквозь пальцы смотрели на его прогулы и задержки. Как и во всех маленьких городках и посёлках, в Кержаках существовало твёрдое правило почитания статусности. А надо заметить, что охотовед, егерь, лесник в таёжных районах — фигура поважнее милиционера, потому что только он знает и глаза закрывает на поставленные рыбацкие сети во время нереста, и он

мимо ушей пропустит зимний выстрел по одинокому кабану-секачу, которого возьмут на мясо, а потом поделят на две-три семьи.

Сашка теперь мог часами, а то и целыми днями бродить по лесу. Потом сидел он у себя, запершись в ванной комнате, которую удавалось ему каждый раз использовать как небольшую фотолабораторию.

Он фотографировал всё: сосульку, цветок со шмелём, синицу, хотя, прежде всего, охотился он, конечно, за “животными картинками”, как он сам их называл. Удалось ему подглядеть и заботливую медведицу с медвежатами, и зайцев-беляков, играющих в сугробе, и весенние тетеревиные тока на рассвете. А что же тут удивительного, если у тебя родитель единственный — директор крупнейшего зверового заказника со штатом в два десятка егерей, а ещё по совместительству и заведующий научной лабораторией-биостанцией университета.

Но главным в этой детской забаве или увлечении оказался результат: фотографии Сашки Тужилина завоевали призовые места сначала на областном смотре работ юных фотографов, а потом и на всесоюзном; они были опубликованы и в журнале “Пионер”, а потом и в самом профессиональном журнале “Советское фото”. Когда в Кержаки приехал репортёр-фотограф, чтобы взять интервью у Сашки, оба Тужилина отнеслись к этому событию снисходительно, как к недоразумению. А вот результат...

Старший Тужилин сумел созвониться с редакцией журнала и заказал для Сашки целых двадцать экземпляров номера с его работами. Только быстро они кончились — раздарил юный фотограф всё.

Когда Сашке стукнуло четырнадцать, привезли высокопоставленные любители-охотники из области ему в подарок первое ружьё: французское дамское или детское “Монтекристо” двадцать второго калибра. С разрешения отца, конечно, такие подарки делаются.

Детское оно или дамское, к тому же ему сто лет уже, и потому в лес с таким, на серьёзную охоту, лучше не ходить. Игрушка — игрушка и есть! Подарок этот, хотя и был сделан Сашке, являлся знаком благодарности отцу за какие-то непонятные заслуги. Ружьё старинное, красивое, а в придачу к нему — ещё и полтора десятка тонких латунных охотничьих гильз в горсть Сашке насыпали. Их теперь каждый раз, отправляясь с друзьями-мальчишками в лес по банкам стрелять, Сашка сам для себя снаряжал. Благо старший Тужилин быстренько обучил сына этому нехитрому мужскому делу: и порох меркой вывешивать, и пыж войлочный правильно загонять.

В то же лето Сашка смело смог уже называть себя настоящим охотником, хотя по возрасту ему срок ещё не вышел: чего там — четырнадцать лет. Серьёзное мероприятие, связанное с охотой, пусть и не медвежьей, было ему поручено.

Безумное, просто аховое количество кротов расплодилось в районе, и было сделано от руководства официальное обращение в местное охотхозяйство, которое находилось также под присмотром Тужилина-старшего. Вот это-то обращение, а может, заявка — что-то сделать с кротами, — и было передано для исполнения Сашке и его школьным друзьям. Они в домашних условиях изготовили из проволоки каждый по двадцать элементарных кротоловок. И за лето сдали в заготконтору почти три тысячи шкурок. Получили деньги, для мальчишек даже очень большие.

А зимой Сашка впервые стал полноправным участником настоящей охоты. Поступила слёзная просьба о помощи из соседней Костромской области: нет управы на огромные волчьи стаи, которые вырезали в отдельных районах по деревьям всех собак, а теперь уже не только за овец, но и за коров, и за лошадей принялись. Просили помочь.

Бригаду из пяти охотников сколотили быстро — мужики все опытные, и по медведю, и по волку работали не раз. Зима с самого начала задалась не очень морозная, но уж больно снежная, и к середине декабря покров был уже значительно выше нужного. Сашка просто упрощил отца взять его с собой на такую операцию, а Тужилин-старший и был негласным руководителем всей охотничьей бригады.

В первую поездку, которая продлилась неделю, что-то не заладилось: и взяли всего пять волков, и Сашка заболел. Мужикам что — вечером по стакану водки выпили и согрелись, а пацану после холода и сырости простудиться — пара пустяков. Мужики вернулись домой, переснарядились и снова в Костромскую область. Сашка остался болеть.

Вернулись охотники под Новый год, тридцать первого, на армейском вездеходе.

Сашка к тому времени поправился, но пока немного ещё куксился. Тужилин-старший днём из клуба, где готовился новогодний праздник, заскочил домой:

— Давай, одевайся, хватай фотоаппарат и дуй бегом в контору. Я тоже туда иду.

Сашка быстро сунул ноги в валенки, накинул ватник, шапку напялил и побежал за отцом.

Контора заказника находилась на краю посёлка, почти на границе с лесом. Тут же, как бы в комплексе, стояли и биостанция университета, и общежитие для командированных учёных, и жилой дом для сотрудников, и гараж для служебных машин. Между корпусами стояла чуть заснеженная “пишига” — вездеход, затентованный ГАЗ-66, единственный реальный способ передвижения по заснеженным лесным дорогам. Между автомобилем и жилым корпусом прямо на снегу в ряд были выложены убитые волки, тридцать одна штука. Мужики стояли, курили, неспешно и негромко переговариваясь.

Сашке стало чуть-чуть не по себе от такого количества убитых крупных животных, но он сделал всё же несколько кадров и пошёл домой.

3

Труба, загадочная двадцатикилометровая просека, проброшенная от посёлка к реке, вызывала у Сашки особый интерес. Во-первых, если пройти по Трубе с километр, то, остановившись и прислушавшись, можно при наличии особой фантазии различить непонятное гудение — это Труба трубит, говорили Сашке местные старухи. Огромная мрачная просека с высокой насыпью была проложена более чем полвека назад для абсолютно непонятных целей к берегу златоустрийного Керженца. Торф туда возить для отправки по воде — так Керженец не судоходен; вроде и речка приличная, а вся топляками завалена, двести лет по ней лес в Волгу сплавливают! Заключённых в лагерь отправлять — много чести, и пешком дотопают! Связывать таким образом два небольших посёлка — нерационально: по лесным дорогам пусть и поухабистее трястись, и на пяток километров побольше, но добраться можно. Не о туристах же думали в тридцатые годы, которым, может быть, и могла бы пригодиться эта Труба, — поговаривают, что там, рядом с Комсомольским посёлком, где колочку уже убрали, но вышки ещё остались, в заповедном нехоженном месте сохранились остатки старообрядческого скита матушки Манефы и её могилки, той самой легендарной героини Мельникова-Печёрского. Так только добраться до этих остатков скита древнего не каждый сможет: и тропы туда ведут заповедные, и не каждому эти тропы открываются. Да, есть ещё там деревня Лыково, прямо напротив Комсомольского посёлка, чуть пониже по течению. Знаменита она, эта деревня, на весь мир тем, что из неё ушла на Алтай в затвор семья старообрядцев Лыковых, о которой с лёгкой руки журналиста Пескова стали вдруг все, кто ни попадя, писать. Писали бы лучше про берлоги, которые ежегодно оборудуют себе местные мишки в этих краях, несмотря на близость человеческого жилья.

Насыпь под лежнёвку внутри трубы делали когда-то высокой, кое-где до полутора метров, и потому дорогу даже в очень снежные зимы не сильно переметало. К тому же заносам мешали и дремучие непроходимые леса, стоящие по обе стороны от Трубы. Лесные пожары в своё время не тронули этот район, остановились у посёлка Кержаки и схлопнулись. Делалась насыпь с умом, под железнодорожное полотно, и стояла она надёжно. Правда, всё равно каждую весну проводилась ревизия и мелкие недостатки устраняли.

Там, в Комсомольском, на берегу Керженца, располагался в последние годы пионерский лагерь, и два раза в неделю в течение всего лета ходил туда автобус, возил продукты.

Зимой тоже проблем не было: трактор “Беларусь” со скребком пройдёт туда-сюда и отвалит весь снежок на стороны. Ну, а если уж ледяной дождь берёзы в дугу согнёт так, что те на дорогу завалятся, то приходится иной раз и топором поработать. Хотя берёз мало тут — всё больше ёлка, сосна, пихта.

Слева, если из Кержаков идти, сторона повыше, и грибной она считается, а вот правая сторона, что пониже, она болотистая и ягодная: клюква там, брусника. И каждой весной талая вода с тысяч гектаров леса собирается у этой насыпи, стоящей гребнем внутри Трубы, и каждую весну эту насыпь вода промывает насквозь. И размывает она насыпь вместе с лежнёвкой за пару дней так, что потом сюда и бульдозер, и экскаватор приходится пригонять и восстанавливать всю дорогу. Место это местные прораном называют, и каждый год в его основание вставляется для отвода воды какая-нибудь ржавая канализационная труба, из тех, что под руку попадётся, и струится там всё лето ручеёк с верхнего леса в нижний лес. А всё равно к зиме эта труба забивается, и каждую весну дорога рушится талой водой.

Когда-то давным-давно, когда проектировалась, а потом и строилась Труба, в том самом месте, где теперь каждый год возникает проран, в основание насыпи и были вставлены для водоотвода те самые две деревянных трубы большого диаметра, составленные из долблённых половинок-плах лиственницы. Лиственница не гниёт! Кто, когда разрушил тот дренаж, который должен был служить сотни лет, — неясно. Только теперь каждый год эта морока: ждидайся по весне, когда вода спадёт, оборудуй для ручейка новый сток, сделай новую насыпь, утрамбуй грунт, чтобы машины могли ходить. И ведь не всегда всё правильно да удачно получается: то наперекосяк трубы, что для ручейка, лягут, то проваливаться земля вдруг начнёт. В общем — проблема!

Про всё, что связано с Трубой, Сашка Тужилин знал. В летние месяцы он пользовался ею чуть ли не ежедневно. Если пройти по Трубе с полчаса, а потом спуститься в нижний лес, то можно попасть на озеро Гусиное, очень красивое и прямо-таки заповедное из-за труднодоступности. Говорят, будто оно карстового происхождения и глубины немереной и якобы соединяется оно речкой подземной с легендарными озерами Светляром и Нестяром, которые по местным меркам неподалёку находятся. Но если всё, что связано со Светляром и Нестяром, святостью окутано, про Гусиное нехорошие рассказы ходили среди местных старух, и люди не любили Гусиное, старались обходить его стороной.

Только Сашка даже и думать не думал про те предания. Затащил он на озеро ботник-долблёнку, которую раздобыл в Кержаках, бесхозную. Точнее, хозяин-то у неё был когда-то, да помер, а вот бабушка-наследница и отказала лодочку Сашке. Непонятно, как эта лодочка в Кержаках оказалась, — до реки двадцать вёрст; может, хозяин тоже в этом озере рыбачил. Сашка сначала проверил ботник на предмет щелей и дыр, потом батяка объяснил, как его надо просмолить. Только после этого заново просмоленную посудину с помощью отца Сашка оттащил на озеро. Теперь он стал настоящим хозяином Гусиного.

Друзей у Сашки задушевных в посёлке так и не образовалось — и не потому, что у него какой-то замкнутый характер, а просто у всех нормальных деревенских ребят его возраста дома свои заботы, и немало, связанные с хозяйством. Накормить скотину, убрать за ней двор, работы в поле, по огороду, который должен кормить целый год, — всё в деревне становилось зоной ответственности ребят к этому возрасту. Да мало ли! Даже в лес по грибы ходили по-разному: Сашка вроде как погулять да на жарёху набрать, а местные — только с промысловой целью, ждали, когда слой пойдёт, шли семьями, чтобы насолить груздей — так кадушку, а белых набрать несколько корзин, чтобы засушить или продать. Бруснику гребённой соскребают, да так, чтобы на весь год хватило, и мочат тоже в бочках. Охота такой же была: глухарей насолят бочку, а тетерева и рябка даже не бьют, брезгуют — говорят, что пусть их лисы едят. Вот лося взять или кабана — это дело!

Как и в старину, лес кормил, и неплохо кормил местного жителя. Только Тужилиных не волновал этот вопрос — холостяковали они и жили почти бесхозно. На биостанции была приличная столовая, где готовили на сотрульников, и кормились Сашка с отцом там. Дома — только вечерний чай с пряниками у телевизора или с журналом “Охота и охотничье хозяйство”. Была ещё тётя Нюра, баба здоровенная, которая у Тужилиных полы мыла через день и одежду грязную стирала.

Тужилин-старший так и намеревался остатки дней своих бобылём прожить — девки местные, да и бабёнки подкатывались к нему с намёками и с авансами, а он только непонимающе-глупо улыбался им или посылал сразу что-то неприятное делать, например, метлы из берёзы вязать; была такая разнарядка непонятная — десять тысяч штук, которую приходилось лесному хозяйству выполнять для города каждый год. А отказаться сделать что-то такое, что приказал Тужилин, нельзя — пожалеешь потом. Просил он редко, но и отблагодарить мог, связи у него крепкие были. И профессора из университета, и главврачи из всяких больниц, и руководство разное приезжали постоянно к нему в гости кто — на охоту, кто — на рыбалку, а кто — погулять.

И Тужилин-младший таким же недотёпой рос — четырнадцать лет, все пацаны с танцев по вечерам девчонок в бани тащат, а он и в клубе-то не бывал, пожалуй, что ни разу — дома сидит с книжкой или фотокарточки печатает. Фотокарточки у него получаются классные, и в посёлке все это знают — в каждом доме на видном месте его работы висят.

Однако, когда в пятнадцать лет Сашке отец подарил мотоцикл, да не просто мотоцикл, а “Яву-350”, пусть и не очень новенькую, жизнь в Кержаках поменялась. По правде говоря, не отец мотоцикл подарил, а дядя Коля Варакин с разрешения отца: списал Варакин этот мотоцикл с баланса какого-то совхоза за ненадобностью. Специфический звук выхлопа работающей “Явы-350” был помягче, чем у “Харлея”, но действовал он на вторую половину человечества, как призыв токующего глухаря на его озабоченных курочек. Теперь все девчонки, которые раньше носом шмыгали да в кулак прыскали при виде Сашки, стали табуном ходить за ним. Ну, это я так образно выразился, только женский интерес к нему внезапно проявился в количествах значительных. Конечно, и ему приятно было школьных подружек на таком агрегате покатать. Сядут они к нему на заднее сиденье, завизжат по-девчоночьи, обнимут Сашку сзади, прижмутся к нему своими косточками. А бугорки-то уже набухли, расти начали, а Сашку-то они волнуют, прижатия такие, хотя бы и к спине, а процесс этот чувствительный и волнительный. Долго ли до греха-то?

А как права получил мотоциклетные, к мамкам своим в Арзамас чуть не каждый месяц стал гонять, иной раз и с подружкой какой-нибудь своей новой: что такое это пятьдесят вёрст — два часа! Захватывал Сашка с собой всегда подарок обязательный, так уж с детства привык: или баночку мёда лесного, или ведёрко брусники, а то и свежатинки какой, лосятинки или медвежатинки — в лесных краях такие неожиданности случаются.

Через год от всего огромного Сашкиного женского окружения, осеняющего его своим вниманием, остались самые верные три подружки, самые нахальные. Двойняшки-близняшки Таня и Марина, готовые замуж за Сашку хоть вдвоём пойти: а как ещё им, двойняшкам быть, если они друг без друга жить не могут? Ещё была Соня, застенчивая, молчаливая с огромными восточными глазами и такими длинными и густыми ресницами, что, когда она ими хлопала, было слышно. Интересно, что все три девочки не ревновали Сашку друг к другу, а дружили и были готовы вместе ухаживать и приглядывать за Сашкой.

4

В армию Сашка Тужилин уходил, как и все, в восемнадцать лет, уходил из своего посёлка Кержаки. Были разные способы откосить: и администрация могла в военкомате документы припрятать, и врачи могли болезнь нужную

найти, только Сашка знал, что надо служить, да и батька его поддержал. Правда, как школьный медалист успел Сашка поступить в сельхозакадемию на факультет лесного хозяйства, а учиться... “Вот отслужу, а потом уже и учиться приду”, — говорил он.

Проводы в армию в посёлке устроили такие, будто война началась. Гуляли так, что потом пять лет вспоминали, самогонки выставили столько, что, кажется, озерко можно было небольшое напрудить. Три подружки Сашкины плакали в рёв, обнявшись, клялись-божились, что собираются ждать его всю оставшуюся жизнь. На них гляючи, другие бабы и девки тоже слёзы пускали. Тужилин-старший только перед отходом автобуса вышел из дома и пожал сыну руку, присовокупив:

— Ну, ты там не подведи нас.

— Хорошо, бать, не подведу. А ты, бать, всё же попробуй за эти пару лет поставить там в проране хорошую бетонную трубу-восьмисотку, а лучше пару по полметра диаметром.

— Я подумаю, сын. А вот и Варакин приехал.

Дядя Коля Варакин из района приехал, чтобы пацанов проводить.

На сборном призывном пункте, расположенном совсем в другом райцентре, куда автобус доставил новобранцев, как скотина в загоне, ожидали своей судьбы мальчишки-призывники со всей области, человек с полста. В большом зале были расставлены стулья и диваны, но так как почти все ребята смолчили, не выпуская изо рта сигареты, почти без перерыва, то стояли во дворе кучками и молчали, ждали. Если не иметь представления, что за толпа здесь была собрана, то можно было сойти с ума от одного её внешнего вида: почти все полупьяные, небритые, неумытые, нечёсанные, одетые в самую неприглядную и бросовую одежду, которая нашлась дома и которую планировалось выкинуть сразу же после получения положенных государственных гимнастёрок. А так как никто из пацанов не представлял себе с уверенностью, что их ожидает, то и выражения на их лицах было не просто тупые, а даже ещё тупее. Со стороны всё выглядело так гнусно и скверно, что блюющий у забора маленький худенький мальчик гляделся как нечто свежее и живое. По крайней мере, было видно, что этот мальчик хочет жить и будет жить.

У двоих ребят гитары были, но что-то не пелось и не игралось — грустные проводы были. Вот фляжка с самогонкой, припасённая одним из самых находчивых, пошла “на ура”, разошлась вмиг; кто-то очень мудрый и опытный подсказал загада новобранцу эту идею с фляжкой.

По совершенно непонятному принципу к полудню стали вызывать: кого по фамилии, а к кому-то просто подходил сержант и, пальцем указав: “Вы, трое, — в пятый кабинет!” К Тужилину тоже подошёл этот щупленький сержантик и спросил:

— Тужилин? Пошли со мной.

В комнате сидели старлей и два капитана. С минуту они смотрели молча на Сашку. Ну, действительно, сегодня Сашка чуть-чуть выделялся из всего представленного во дворе сборища: он и побрит, и причёсан, и на лице нет следов похмелья, и одет вполне благопристойно, а уж про то, что и рост сто восемьдесят семь, и с лица не глупый, и говорить нечего. Так что вдруг все три офицера заулыбались одновременно, а капитан спросил:

— Тебя в какие войска записали?

— В железнодорожные, — чуть помешкав, ответил Сашка.

— Фамилия Тужилин?

— Тужилин!

— Образование какое?

— Одиннадцать классов.

— Так он вообще школу с медалью окончил, — обратился к первому капитану второй, листавший тем временем бумажки из папки, лежавшей на столе.

— А чего же ты в армию пошёл, а не в институт? — спросил у Сашки снова первый капитан.

— А я поступил в институт, в сельскохозяйственный, только теперь хочу сначала в армии отслужить.

— Почему?

Сашка не ожидал такого вопроса, и вдруг ни с того ни с сего ляпнул:

— Несчастливая любовь!

— Какая любовь? — переспросил капитан.

— Несчастливая, — повторил Сашка, а про себя подумал: “Чего несую?”

— Понятно! В Москве будешь служить, в Кремле. Слышал? Есть у нас разнарядка на одного человека — вот мы тебя и выбрали. Должен будешь советскую власть защищать. За тобой уже прибыли.

Сашка хотел что-то сказать про советскую власть, но промолчал.

— Губкин, — обратился капитан к сержанту, стоявшему у дверей, — отведи Тужилина в седьмой, пусть оформляют. Мы документы все потом подпишем.

5

Хотя в юношеских своих фантазиях Сашка Тужилин и мог себя представить где-то очень-очень высоко, почти на облаках, но не до такой же степени...

Ладно — Москва, ладно — Кремлёвский полк, так ещё ведь и казармы-то в самом Кремле, рядом с президентом России и рядом с Царь-пушкой. А скоро, может, и у Мавзолея удастся в почётном карауле постоять, только шаг ритуальный, кремлёвский надо отточить...

Шаг отточился быстро, а вот что со свободным временем делать, Сашка не знал — в увольнительные его часто отпускали, а куда идти? Вспомнились Сашке батькины слова о том, что в Москве люди такие же, как везде, и даже хуже, и погода, как везде, и даже хуже, и речка, как везде, но значительно хуже нашего Керженца. В Москве только Третьяковская галерея лучше, чем остальные галереи. Вот Сашка и повадился в Третьяковку ходить, когда его отпускали, — не в старую, настоящую, что на ремонт закрыта уже много лет, а в ту, что на Крымском валу расположилась как бы временно.

Довелось Сашке и у Мавзолея постоять, пусть один раз, но зато как результативно! Это потом беспорядки, связанные с нарушением Конституции, начались в Москве, и расстрел Белого дома, а уж когда бородатые мужики с криками да с иконами попытались толпой прорваться внутрь Мавзолея — отменили пост № 1, развернулись охранники главного памятника эпохе и ушли с Красной площади через чёрный ход, закрыв за собой вход в центральное советское святилище.

Но Сашка Тужилин успел.

Успел он с карабином без патронов постоять свой час на посту номер № 1, притом не вхолостую.

Кончался май, выдался солнечный тёплый день, запах сирени заносило из Александровского сада на Красную площадь, и... последний звонок.

Девчонки, сотни девчонок в школьных формах с белыми передничками заправили всё пространство перед постом № 1. Счастливые, смешливые, с круглыми голыми коленками, они не только сами волновались в этот день, но и сильно волновали мальчиков, стоявших в карауле около входа в нашу маленькую, но очень значительную ступенчатую пирамидку. И надо же было так совпасть, что в этот единственный за всю его жизнь час, пока Сашка Тужилин стоял на этом ответственный посту, прямо напротив, у металлических перил, ограничивающих толпу, какая-то пигалица, а иначе и не назовёшь, возникла, установилась на него и сначала стала высовывать язык и дразниться, потом скосила глаза и оттопырила уши. Сашка стоял, вытаращив глаза и стараясь даже не моргать. Он пялился на здание ГУМа и делал вид, что не замечает наглую девчонку. Но эта пигалица в коротеньком школьном платьице с белым фартуком, тряхнув толстой светло-русой косой с капроновым белым бантом, вдруг громко закричала, сложив ладошки рупором и не обращая внимания на окружающих:

— Я знаю, что ты меня видишь и слышишь. Приходи завтра в пять на ВДНХ к фонтану Дружбы. Я уже жду.

Вот так сложилась судьба Сашки Тужилина. Точнее сказать — почти сложилась, потому что потом она всё равно разложилась. А почему она сначала сложилась? А потому, что случилась у Сашки увольнительная на следующий день, и Сашка пошёл на ВДНХ к фонтану Дружбы и встретил там Полинку, Полю, девочку с соломенной косой, которая показывала ему язык около Мавзолея Ленина.

Чего там фантазировать — всё получилось с первого раза у девятнадцатилетнего солдата и семнадцатилетней московской выпускницы средней школы в тёплый майский вечер на скамейке парка ВДНХ. А через неделю состоялось уже официальное знакомство Тужилина с Полинкиными мамой и папой, Альбиной Степановной и Александром Сергеевичем Кружковыми.

Жили новые знакомые прямо в одном из арбатовских переулков в старинном четырёхэтажном доме без лифта, но зато с огромным чердаком, а теперь уже скорее мансардой, переоборудованной под художественную мастерскую с частичным верхним остеклением в виде широких двухстворчатых фрамуг. Папа у Полинки — художник, настоящий художник, а не из тех, что на Арбате стоят и портреты приезжих колхозников пишут. Больше скажу: он — главный художник Большого театра. Просто в Большом театре главных художников много: первый, второй, третий, по костюмам, по декорациям, по освещению буфетов — и все они главные! Так вот занавес для репетиционной сцены делали по эскизам Полинкиного папы, и денег, заплаченных за выполнение этого заказа, хватило бы на несколько лет безбедной жизни, если бы не проклятая революция — сожрала все деньги, что лежали на сбернижках.

Полинкина мама — подполковник милиции Альбина Степановна — была командиром взвода охраны очень важной государственной структуры. За этим скромным, условным “взводом” стояло мощное вооружённое формирование, подкреплённое таким телефонным правом, которому кое-кто мог бы позавидовать и в Кремле. Кроме того, она была ещё в Москве и дежурным по городу. И ещё много-много чего любопытного и не подлежащего разглашению замыкалось на эту миниатюрную, очень домашнюю и очень хозяйственную женщину, которая предпочитала форменной фуражке модную фасонистую шляпку, а папаче с кокардой — лёгкий берет из соболя.

Глубинка — это не где-то далеко от Москвы на краю земли, глубинка есть и в Московской области, причём такая же глубокая, как и во всей стране. Надёжный комсомольский лифт выдернул когда-то в “центр” эту девочку из её деревни, и она не потерялась, а стала нужным винтиком в механизме страны. Причём Альбина Степановна, будучи умной женщиной, обременённой богатым жизненным опытом, понимала, что можно жить либо по совести, либо по правилам. По совести она должна сейчас сажать редиску где-то в Подмосковье, а по правилам...

Начиная с московской Олимпиады, когда пришлось Альбине Степановне плотно посотрудничать с “чекистами”, они оценили её способности и уже не выпускали из виду, доверяя курировать точки, обслуживающие элиту страны, а это — почти весь Калининский проспект: от пивного бара “Валдай” до ресторана “Арбат”. Можно предположить, что по линии КГБ она ещё что-то курировала, несмотря на досужие сплетни на существовавшие трения между этими силовыми структурами.

Так вот, Альбина Степановна любила свою работу, но деньги любила тоже, и любила она их тратить — и свои, и чужие. Тратила Кружкова их на старинные книги, кабинетную бронзу и картины известных мастеров, которые покупала по сносным ценам и со знанием дела в московских комиссиях, благо товароведы подполковника в соболиной шляпке знали и сами ей звонили.

Старинная мебель из тополя, ореха и розового дуба эпохи Павла I Альбину Степановну не очень волновала: её в убогомрачительных количествах предлагала старая московская интеллигенция даром Большому театру. И этот поток контролировал Александр Сергеевич Кружков уже много лет

подряд — с тех пор, как стали её, эту интеллигенцию, постепенно переселять из арбатских коммуналок в хрущёвки, в Новые Черёмушки. Так что вся огромная квартира Кружковых с четырёхметровыми потолками была похожа на солидный государственный музей. В горках — русское серебро работы Овчинникова и братьев Грачёвых, фарфоровые статуэтки Гарднера да Попова, тарелки императорского завода. На стенах работы Клевера, Пукирева, эскизы Сурикова, Репина — всё по высшему разряду. Были у Альбины Степановны и голландцы: и Стен, и Остаде, и Давид Тенире-младший, но она их почему-то стеснялась и держала за шкафом.

Три большие комнаты, солидная кухня с окном, выходящим на лестничный пролёт, и маленькая тесная прихожая. Две спальни, родительская и Полинкина, выходили в гостиную, большую, сорокаметровую, посередине которой стоял дубовый стол на восьми ножках с восемью стульями, тоже старинными дубовыми, да ещё и с бронзовыми львами на спинках. Стол постоянно, в дежурном режиме, был накрыт белой накрахмаленной скатертью, и стояла на столе большая хрустальная ваза с яблоками или виноградом, или мандаринами — по времени года. Альбина Степановна всегда была готова к приёму гостей.

Мастерская Александра Сергеевича находилась тут же; надо было просто подняться по лесенке в конце коридора, которым заканчивалась лестничная клетка, и попадаешь в двухсотметровую студию, пусть и со стропилами и упорами, которые были ловко декорированы и не бросались в глаза. В торцевой стене дома, выходящей во двор, сделан специальный трёхметровый узкий паз, через который с помощью выдвигной небольшой лебёдки можно было станковые многометровые работы спускать из мастерской на улицу.

Огромным достоинством мастерской Александра Сергеевича был не её размер, а то, что благодаря таким размерам она имела ещё один выход — через соседний подъезд. И им пользовались не только многочисленные натурщицы, которые регулярно его навещали с целью заработать, но и вся богема города Москвы: мастерская функционировала круглые сутки. К женскому полу, регулярно посещавшему мастерскую мужа, Альбина Степановна относилась совершенно индифферентно в силу своей занятости и возраста. Во-первых, она не воспринимала всерьёз этих женщин, не верила в их значительность или значимость, а во-вторых, была она намного старше его, своего Кружкова, родила она Полинку поздно, уже во втором браке, и от первого своего, комсомольского, где были гормоны и любовь, не осталось у Альбины Степановны ничего, даже воспоминаний. В общем, она не очень уже нуждалась в физиологическом партнёре и в реально существующих соперницах не верила.

6

Время шло к ужину, но Альбина Степановна со службы ещё не появилась. В квартире было пусто, и ребята через коридорчик да по лесенке поднялись в мастерскую: Александр Сергеевич в майке-футболке с заокеанским орлом на спине, руки в брюки, с сигаретой во рту, задумчиво разглядывал свой чистый картон, закреплённый на этюднике. Рядом на табуретке стояла огромная кружка с чаем, а в хрустальной пепельнице лежала ещё дымящаяся трубка.

— Папка, ты что — одновременно куришь и трубку, и сигарету? А трубка эта у тебя новая? Я только что видела фотографию Сименона — у него такая же трубка. Это не он тебе подарил?

— Нет, не подарил. Но, может, ещё и подарит: он пошёл пописать и сейчас придёт. Это шутка такая у нас новая. А это твой новый ухажёр?

— Да, я вам с мамкой говорила.

— Тоже Саша?

— Да, я как-то к вам, к Сашам, привыкла.

— А тот предыдущий, зимний Саша, где? Куда ты его дела?

— Ту-ту, вылетел в трубу. Адыю-адыю. Привет-привет. Я его отправила домой, разбежались мы с ним.

— Тогда давайте знакомиться. Хотя надеюсь, что этот Саша тоже не последний.

Весь этот короткий диалог с налётом домашнего юмора, понятный лишь близким людям, происходил в присутствии Тужилина-младшего, и поначалу он даже не сориентировался, как реагировать на него, но быстро понял, что отчасти это проверка его на всхожесть и его понимание иронии, а значит, и на социальную принадлежность. Значит — пока что не надо реагировать, а пропускать всё мимо ушей; Тужилин, открыв рот, разглядывал мастерскую. Но тут её хозяин наконец-то повернулся к гостю и протянул руку:

— Александр.

— А я тоже Александр. Только, можно, я всё же вас по отчеству, Александр Сергеевич? Я так как-то не привык.

— Если хочешь, можешь Александром Сергеевичем, а привыкнешь — будешь Сашей.

— Наверное, не привыкну: всё же я солдат.

— Ну, и что же? Я тоже солдат, был солдатом двадцать лет назад. Только ведь наше солдатское у нас никто и никогда не отнимет. Это вон родительница Полинкина — только что майором была, а теперь — подполковником стала, а солдатом никогда она не была и не будет. Она потому тут и командует, и не только тут.

Зазвенел телефон. Телефон старомодный висел на стене рядом с дверью, и трубка его с рожком микрофона помещалась на торчащем крючке. Саша Тужилин уже обратил внимание на нарочитую эклектику в заполненности мастерской разнокалиберными, трудно сопрягающимися предметами: человеческие и кошачьи черепа рядом с гипсовыми отливками Венеры Милосской и Ники Самофракийской, рыцарские средневековые доспехи и деревянные с хохломской росписью братины, большущие канделябры из французской кабинетной бронзы на абрамцевском резном столе и тут же — тракторный граммофон с метровой трубой, а рядом — двухкассетный “Грюндиг” последней модели; и, конечно же, множество икон, да таких, каких в своих деревнях он, Сашка, никогда и не видел, они сияли, горели и жгли даже своей чернотой. А ещё — пространство вроде бы большой по площади мастерской было просто загромождено бесчисленным количеством старых, потёртых и даже поломанных диванчиков, пуфиков и кресел.

Александр Сергеевич снял трубку — звонила Альбина Степановна, Полинкина мама.

— Мама твоя набрала в гастрономе продуктов и просила её встретить, — то ли обратился, то ли доложил он своей дочери. — Пойду встречу, помогу.

— Нет, папка! Мы с Сашей сами её встретим. Ты пока чайник ставь. Мы минут через пятнадцать будем.

Быстро они сбежали с четвёртого этажа на улицу по широким лестничным пролётам. В подъезде какло не ожидаемыми кошками, а масляной краской, а на улице — не нависающей через забор сиренью, а горячим асфальтом. У Саши этой весной резко обострилось обоняние, и, с одной стороны, это радовало его, а с другой — чуть-чуть беспокоило: отчего оно обострилось? Может, пора съездить домой? В увольнительную удивительно часто отпускают, а вот в отпуск почему-то не хотят. “Надо ещё раз обратиться к командиру”, — подумалось.

По ступенькам вверх, в арку, и вот они уже на Калининском. Мамы не видно. Пришлось идти в гастроном. В отделе заказов на втором этаже она ждала. Пакетов было — больших — четыре.

— Мамулька, это мой Саша — я тебе говорила. Он нам поможет. Сколько ты сегодня набрала. Это всё нам? Пойдём!

— Нет, это заказы для Лёночки Дербенёва, Глазунова Ильи Сергеевича и Ларисы Васильевой, — ответила очень строго мама, передавая пакеты Саше.

— Ой, а Лариса Николаевна сегодня придёт?

— Наверное — по крайней мере обещала.

— А я так соскучилась по ней.

Поднявшись в квартиру, Альбина Степановна, не снимая летнего лёгкого пальто, а лишь скинув ботинки на довольно приличном каблуке, откинувшись, уселась в кресло на кухне, положив вытянутые ноги на второй стул.

— Ты иди и разбери пакеты — надо что-то там засунуть в морозилку, — махнула она рукой дочери. — А вы, Саша, присаживайтесь тут рядышком и за пять минут, которые мне просто нужны для отдыха, расскажете про себя. Ноги уже никуда не годятся. Да ещё — если не затруднит, позовите сюда из мастерской моего живописца. Надо мне поделиться с ним.

Но Александр Сергеевич, весь измазанный, распространяя вокруг себя аромат масляных красок, вытирая руки тряпкой, тоже воняющей, но растворителем, уже зашёл на кухню.

— Сашка, расскажу, не поверишь, — начала Альбина Степановна без предисловий. — Я снова её не узнала.

— Кого ты снова не узнала? Это интересно — кого ты всё время не узнаешь! Это может принести однажды неприятности или убытки!

— Поёрничай, поёрничай! Галину я не узнала, Галину Леонидовну Брежневу. Помнишь, пятнадцать лет назад я тут на кухне сидела, дрожала, потом всю ночь от страха заснуть не могла. А ты ещё ехидничал — суши сухари!

— Нет, не помню.

— Пятнадцать лет назад я стою в нашем гастрономе “Новоарбатском” на втором этаже, в отделе заказов, и разговариваем мы с заведующей — я только что входила в тему, как сейчас говорят. И вдруг какая-то неадекватная баба, прилично одетая, распространяя вокруг себя жуткую смесь аромата свежесыпной водочки и хорошего французского парфюма, врывается и начинает чуть ли не матом всех крыть: мол, я заказывала шесть сортов рыбы, а вы мне тут только пять! Да я вас всех! Мне пришлось взять её прилюдно за шиворот, подвести к лестнице и подтолкнуть. Директриса гастронома побледнела и в кресло — хлоп. А заведующая отделом заказов мне и говорит: “Вы что наделали? Это же Галина Брежнева, она всегда так хамит и всегда пьяненькая. Мы привыкли”. Я тогда пришла домой и всё ждала, когда меня арестовывать придут. Так и не пришли!

— Да, я помню — что-то такое было, — откликнулся живописец, успевший и вытереть руки, и достать из пакета банку чешского пива, — ты всегда мало пива берёшь.

— Так вот, сегодня, — продолжила Альбина Степановна, — я снова вытолкала вшаей из отдела заказов пьяную старую противную бабу и спустила её с лестницы, и снова это оказалась Галина Брежнева. Она ещё жива и по-прежнему прикрепена к нашему “Новоарбатскому”. Но уж больно страшна стала! Вот! И что ещё я тебе хотела сказать — сегодня Лёничка Дербенёв должен приехать и Лариса Васильева, давай их в мастерской примем?

— А ты говорила про Илью Сергеевича?

— Я думаю, что Глазунов водителя приплёт. Так я водителя пошлю подальше, и Глазунов завтра сам приедет.

— А что он, сегодня сам не сможет?

— Смочь-то сможет, только не захочет.

— А что это?

— А то, что должен он тебе: он обещал мне, что тебе заказ свой отдаст, а жалко. А чего там жалеть — денег там особых нет, да и не нужны ему деньги, он уже не знает, куда их девать. Академию ему подарили и вроде отбирать не собираются. Пусть бы и занимался своей академией. Так что всё у него тип-топ! А вот то, что за этим новым заказом люди новые и нужные стоят, я знаю, но, видно, и наш Илья стал догадываться. Вот он и заменжевался.

— А что за новые люди?

— Да не всё ли тебе равно? Ты работай, пиши, а я буду заниматься хозяйством. Ну, уж если тебе интересно — Гаврилы Попова больше нет, а новый мэр — это надолго, и эти люди новые — люди нового мэра. За ними большие заказы стоят и большие новые деньги. Помнишь, как на выставке у Саши Харитоновой на Малой Грузинской мы, точнее, я сделала вид, что

Сашу не знаю и по рекомендации Юры Селивёрстова купила у Саши картину за пятьсот долларов?

— Нет, не помню.

— Ничего ты не помнишь!

— Я помню то, что мне надо, а чепуху всякую запоминаешь ты.

— Так вот, тогда после выставки я пригласила всех к нам. Пошли Селивёрстов, Харитонов, кто-то ещё, человек пять, Володя Мигуля среди них. И какие появились у тебя шикарные заказы через Патриархию после вечера этого с лёгкой руки Селивёрстова!

— Да, я эти два года хорошо поработал.

— И поработал, и заработал! Вот сиюю кверху ногами уже минут пятнадцать, а состояние — будто в сапогах по-прежнему. Надо что-то с обувью делать. Я же не могу в ваших кроссовках ходить на работу. Саша, — обратилась вдруг, наконец, Альбина Степановна к своему новому гостю, — ты извини меня за невнимательность, надо выговориться, чтобы тебя слушать, уже не отвлекаясь. Ты сам будешь всё рассказывать или тебе задавать вопросы? Я это умею как милиционер.

— А чего рассказывать-то?

— Всё! Но за десять минут, а потом я ужин пойду готовить.

Тужилин кисло улыбнулся и, пожав плечами, продолжал смотреть на Полинкину маму.

— Ну, ладно, — пробормотала та, и тоже ухмыльнулась, но по-доброму, — у тебя папа, мама есть? Где они, как зовут?

Милицейский допрос длился недолго, и кратким было резюме:

— Придётся тобой заниматься. У тебя кто командир — полковник Кондратьев?

— Так точно.

— Поддай-ка мне телефон, — Альбина Степановна кивнула в сторону тумбочки, на котором стоял чёрный допотопный аппарат, но на длинном шнуре. Тужилин подал, а Альбина Степановна начала копаться в дамской полухозяйственной сумке, легко покрывавшей её, как и любой советской женщины, половину жизненных потребностей. В конце концов, она открыла маленькую потёртую записную книжечку и набрала номер.

— Коля, привет, это Алла, — и после некоторого молчания: — Ну, и слава богу! Коля, у тебя по первому году служит Тужилин Александр. Он сейчас в увольнении... ну, так узнаешь. Оставь его мне до утра, в семь ноль-ноль он будет в расположении.

Альбина Степановна положила трубку, потянулась и scomандовала:

— Так, иди мой руки и в гостиную. Я ужин буду готовить.

7

Когда есть понимание, что вопрос надо решить и решение вопроса всем на пользу, он решается моментально. Так, через месяц Сашка Тужилин уже в форме младшего лейтенанта милиции вышагивал каждое утро на службу в здание МИДа на Смоленскую площадь. Жил он теперь по решению родительского комитета, а точнее, Альбины Степановны, в квартире своей невесты Полинки — решили, что нечего ей, порядочной девочке, по подъездам отираться.

Регистрация и свадьба наметились на сентябрь, и венчание в храме Воскресения Словущего, что на Гоголевском бульваре, было тоже запланировано и обговорено. И заявление в загс подали.

Альбина Степановна не просто взяла в свои руки обустройство судьбы дочери с её очередным мальчиком, но и сделала эту идею руководящей в своей деятельности на какой-то неопределённый период времени. Чёткое понимание, что девочка её созрела и школу окончила, и пустое болтание по новой либерально-демократической Москве, её дворам, подвалам и подъездам, ни к чему хорошему привести не может, сформировалось. Да и что-то родное, зовущее её из детства, чудилось ей в Сашке этом новом; чудилось ей что-то такое сладкое и острое, чего она нахлебалась в своём начале деревенском,

но, видимо, не досыта. О той тяжёлой жизни, такой тяжёлой, что от неё надрываются насмерть раньше, чем это понимают головой, не любила она вспоминать. Спас её в своё время комсомольский лифт, вознеся почти до уровня хозяев жизни. А сама, привязанная к этому лифту, она была испорчена как раз им, испорчена этой ежедневной, ежеминутной борьбой за удержание своего социального уровня, который с некоторых пор стал определять всё в её жизни. И тут — она вдруг увидела в Сашке что-то реальное и настоящее, что, хотя и редко, но всё же иногда таится в совершенно неожиданных людях, которых хотя всё меньше и меньше становится вокруг, и чего давно уже не встречала она в своём домашнем божественном и служебном милицейском окружении; а ведь знала она о возможном существовании такого цельного существа, и втайне она думала о таком, и вот. Этот не предаст, не бросит, это настоящий мужик.

По секрету от близких, то есть от семьи, она организовала себе командировку в город Горький, а теперь уже в Нижний Новгород, и вовсе не служба того требовала. Захотелось ей посетить родные Сашкины Кержаки и познакомиться с его отцом, будущим своим сватом, без посторонних. Плохо она подготовилась, точнее — неправильно подготовилась: думала королевой в деревню заявиться, думала удивить.

Не получилось: старший Тужилин сразу разноухал сущность московской дамочки — налёт с пылью столичные да что-то сущность больно родная, сельская. Хотя за стол гостью усадил, чай заварил, пряники свои любимые выставил — ждал он её, Сашка позвонил. Начала Альбина Степановна вроде правильно, с нейтральной темы — спросила про куниц:

— Александр Иванович, а нельзя ли у вас тут договориться и заказать сразу наибольшую партию куных шкурок на шубку нашей девочке?

— Отчего же, — отвечал Тужилин, — конечно, и заказать можно, и купить. У нас тут ещё не перевелись охотники-промысловики. Всё сделаем.

— Вот и хорошо! Значит, за вами куняя шубка для Полинки, свадебный подарок. А я с вашими промысловиками ещё хочу кое о чём переговорить, познакомьте меня.

— Да, познакомлю!

И почувствовала Альбина Степановна холодок в этих словах Тужилина или показалось?.. Но не смогла уже дать задний ход Альбина Степановна, отыграть в своё детство деревенское да похитрить маленько, да прикинуться уставшей, не успела — не сориентировалась сразу. Надо было сказать, что мозоль натёрла! А когда озвучила она сумму, в которую может вылиться московская свадьба, опять спохватилась и опять опоздала рот закрыть. А точнее, поторопилась она с деньгами, а может, и вообще не надо было про деньги? Хотя что тут неприличного: свадьба — это всегда траты большие. Может, не надо было сразу про суммы московские? Нет, не удивила! Тужилин только глазки сощурил:

— Вот что, сватья дорогая, пока что юридически и недооформленная, докладываю: денег таких у меня нет, и не обессудьте. Люди мы простые, русские, деревенские. Сашке я своему на женитьбу ещё добра не давал и невесту не видал. Сколько есть сейчас в доме у меня денег, возьмите, — положил Тужилин старший пакет с деньгами на стол, — вот рыбки, медвежатины или лосятины, мёду, грибов могу сколько хотите дать. Этого добра найдём. А денег — ну, есть у меня ещё чуток в загашнике, отдам, сколько есть. Не ругайтесь сильно.

Натянутость возникла между будущими родственниками.

Хотя и к охотникам насчёт пушнины поговорить Тужилин сватью будущую сводил, и к скорняку местному, который шкурки выделывает. Договорилась с ними Альбина Степановна по-деловому и настояла, чтобы аванс взяли. Пытаясь как-то подсластить “холодный чай” домашний, от которого осадок остался, прогулял Александр Иванович московскую милиционершу с километр по Трубе, рассказал кое-какие легенды местные, пожаловался, что двадцать лет не может ни с кем из начальства договориться, чтобы трубы канализационные ему на вертолёте затащили в его лесную глушь.

— Я тебе, Александр Иванович, чтобы как-то задобрить или как-то за-
гладить знакомство наше не очень тёплое, обещаю: вертолёт с трубами, по-
жарный или военный, или какой-то другой у тебя будет. Жди!

А вскоре и Сашка со своей невестой приехал на неделю на свою малую
родину (будущая тёща подуетилась с отпуском), чтобы самому порадовать-
ся и Полинке похвастаться красотами своими, точнее, лесными. Вот тут уже
старший Тужилин с ним серьёзно говорил, выразив серьёзные сомнения.

Была у Александра Ивановича в Кержаках настоящая русская баня при
биостанции, которую довольно часто использовали для приёма избранных
гостей. И районное, и областное начальство любили сюда приезжать. Отлич-
ная баня: и парилка, обшитая липой, и гостиная с самоваром и диванами,
в которой не стыдно даже самых важных гостей принять.

Умудрились отец с сыном, уединившись от Полинки, поговорить в бане,
пока ту готовили, топили.

— Ты пойми, сын, денег не жалко: это бумага! А вот ради денег всю
жизнь проставить — это гибель. Гибель человека, точнее, гибель той нату-
ры внутренней, что человека человеком делает. Мало того, что эта жажда
накопительства, это стяжательство разъедает личность в труху, так это ещё
и привычкой, болезнью становится, страстью, как у наркомана или игрока.
Только незаметно это происходит: и не стыдно, и не попрекнёт никто, будто
это рвачество, это желание занять как можно больше денег и благ является
уже чуть ли не добродетелью какой-то. Страшно это — то, что заболевает сей-
час этой болезнью очень много умных и порядочных людей, и не замечают
они этого. Так ведь и у детей это стало уже появляться. Я тебе расскажу: вот
мы с твоей мамой ещё в городе жили, и были у нас друзья Осиповы, и была
у них дочка Маша, годов пяти, наверное. И вот приходит Машенька эта раз
из детского садика вечером домой и говорит: “У нас один мальчик сегодня
нехорошее слово сказал”. “Какое же это такое слово?” — спрашивает опас-
ливо у Машеньки мама. “Деньги!” — отвечает Машенька. Ты понимаешь,
сын, в то время даже пятилетняя девочка знала, что слово “деньги” — сло-
во нехорошее. Потому я и называю это явление болезнью; ведь этим, как
гриппом, может незаметно заболеть и умный человек. А вот предохранять-
ся надо. Полинка твоя простая и добрая, и неиспорченная, береги её, а на
свадьбу я к вам не поеду! И не уговаривай. Да и родственникам нашим но-
вым про то, что я не приеду, не говори. Пусть так случится! По поводу тво-
ей женитьбы — я не возражаю, дело это серьёзное, а ты уже мужик взрос-
лый. Кстати, если интересно, — все три твои невесты, и двойняшки эти,
и третья, чёрненькая, замуж повыскакивали ещё зимой. Что значит созре-
ли! И ещё: ты со своей девчужкой до прорана, что на Трубе, доезжал?

— Конечно, мы на Керженец купаться ездили.

— Так вот, мы там проран готовимся забетонировать намертво. Догово-
рилась твоя тёща будучая с пожарниками-вертолётчиками, не обманула.
Те приезжали, всё посмотрели, через две недели пару железобетонных труб-
восьмисоток по воздуху приволокут нам, и мы поставим их поперёк насыпи,
под лежнёвкой, на веки вечные. Кстати, про тёщу твою: баба она самая про-
стая, деревенская, да только детство у неё голодное было. Недоедала она
в детстве, вот и не наестся всё никак, и хватает всё.

К мамкам в Арзамас удалось сгонять на мотоцикле (дождалась “Ява-350”
хозяина!), пригласили их на свадьбу. Те и приехать обещались, и сказали,
что подарок уже придумали: ключи от дома деревенского отдали, в котором
мама Нина родилась и в детстве жила. Переоформить в собственность пообещали
в ближайшие дни. Дом смотреть не поехали — отложили на потом.

Ездили и в лес по грибы, и на Керженец купаться, и по посёлку то с рё-
вом, то с визгом, то с урчанием. Полинка визжала, мотоцикл урчал. Полин-
ка попросилась за руль — Сашка доверил, но не смогла удержать тяжёлую
машину маленькая невеста, уронила, чуть ноги не отдала. А вот стрелять
из дамского французского ружья “монтекристо” по банкам Полинке понрави-
лось, и результат неплохой был. Старший Тужилин даже уговаривал молодых
остаться ещё на неделю, на открытие охоты. Отказались. Хотя Сашка успел
показать Полинке кое-какие чудеса позднего летнего леса и кроме грибов.

На старой лесной опушке со сваленными полусгнившими деревьями он усадил свою ненаглядную на пенёк и вытащил из кармана старинный медный манок. Раздался тихий и тонкий свист, потом ещё раз, и тут из какой-то чащобы, из-за кучи полусгнивших прошлогодних листьев, не торопясь вышла небольшая курочка и направилась пешком прямо к Полинке. А за ней вышли одна за другой ещё четыре такие же курочки. Но хрустнула ветка под ногой у Саши, и все пять птиц с шумом поднялись и улетели. Правда, одна, самая любопытная, уселась на ветку ёлки невдалеке, метрах в десяти, и ещё с полминуты смотрела на людей.

— Это кто? — спросила Полинка.

— Рябчики. Выводок. Они ещё ничего не боятся. Я манком их подманил — таким свистом их мамка собирает.

На дальний новый кордон, который только что построили для научных звероводческих нужд совсем уже в глуши, на берегу его любимого Гусиного озера, добирались тоже на мотоцикле, и долго. База, или кордон, как её звали работники, по каким-то специфическим причинам находилась на другом берегу озера, и из-за топких заболоченных берегов добираться туда приходилось в объезд.

Ехали на мотоцикле по Трубе, звуки выхлопа растекались, теряясь в мрачном лесу и не вызывая эха. Свернули в лес около прорана, ручеёк журчал — промоина в насыпи была и широкая, и глубокая. Метров за двадцать до прорана был замечен спуск с насыпи в лес для объезда, там ручеёк представлял собой просто лужу. Хотя по тому, как были расчищены подходы к злополучному месту, Саше показалось, что тут готовится что-то серьёзное, и перемены будут.

На кордоне их не ждали, но трое молодых ребят, два научных сотрудника и лаборант, встретили гостей с радостью. Приехали как раз к обеду. Прекрасная погода звала к романтике, и обед готовился на костре — уха из окуней и щурят.

Можно спорить до посинения по поводу правильности приготовления настоящей волжской рыбацкой ухи и услышать при этом, что в неё следует добавлять и помидоры, и рис, и наливать водку в закипающий котелок, и разрешается для вкуса придумывать совершенно фантастические ингредиенты. Чепуха!

Главное для приготовления хорошей ухи — это свежая рыба и вода из того же водоёма, где эта рыба жила. Вода на костре в ведре или котелке должна закипеть вместе с головкой лука и выпотрошенными мелкими окунями, которые после надо будет выкинуть — хотя тех, что крупнее 200 граммов, можно и оставить для дальнейшего употребления; кроме того, кладутся сразу же в холодную воду при наличии: порезанная картошка, перец-горошек и лавровый лист. Свеженький, мелко порезанный укропчик — на стол. А вот в уже кипящую воду запускаются куски рыбы; если это щучья уха, то вкуснее всего щурята весом от пятисот грамм и до килограмма. Варится свежая рыба три-пять минут. После чего она выкладывается на отдельное блюдо или поднос и присаливается, пересолить не страшно — рыба берёт соли столько, сколько ей надо. Вот тут уже можно и вышить сто граммов водки, а юшку вкуснее всего хлебать деревянной ложкой, не так горячо, а хлеб нужен ржаной и свежий.

Стерляжья уха готовится так же, только обязательно надо срезать с рыбин и боковые, и брюшные шипы — ну, и со спины тоже. Просто я остановился на щучьей по той причине, что эта уха считалась всегда классической, а у старорежимных врачей ещё и самой диетической и лекарственной пищей для больных и детей, куриный бульон шёл за ней следом. Помните, как в кинематографической классике: “Митька помирает, ухи просит!” — это неспроста.

Уезжали из Кержаков на обычном рейсовом автобусе. В окно увидели, что на выезде из посёлка стоял человек, дедуля в тулупе. Он смотрел вслед автобусу удивлённо.

Жизнь в стране в начале девяностых менялась не просто на глазах, а значительно быстрее: не только глаза, но и мозги не успевали замечать перемены. Хотя не везде и не сразу что-то менялось быстро: вот учёные-биологи, что жили на кордоне, на Гусином озере, этих перемен не замечали, да и художники с музыкантами, которые творили в своих мастерских, не очень за этими переменами следили. А у Тужилина-младшего перемены случались чуть ли не каждую неделю: я не про свадьбу, которой вряд ли стоит кому-то избегать, но вот, вернувшись из своих родных Кержаков, он узнал, что подсустилась за время его отсутствия Альбина Степановна, и комиссовали его из армии, точнее, из внутренних войск, по здоровью — у него и не спросили. Служит теперь Сашка в каком-то ЧОПе, с которым у его, Тужилина, бывшего милицейского подразделения заключён договор. И получает он, Тужилин, теперь нормальную зарплату, только денег в его зарплате в несколько раз больше, чем у полковника, его бывшего кремлёвского командира.

Служба у Тужилина теперь сутки через трое, хотя и в свободные дни часто выдёргивают на всякого рода оперативные мероприятия.

Полинка позанималась пару дней со специальной профессоршей, солидной дамой с нерусской фамилией, и была зачислена в какую-то коммерческую художественную академию.

Каждый вечер, а чаще — ещё и с обеда начинаются у семьи мероприятия: выставки, презентации, концерты, спектакли, и везде надо быть обязательно, чтобы не выпасть из обоймы светской тусовки. Если вечером нет концерта, то дома обязательно приём: на столе — бутылки, фрукты, соленья, и гости творческие успехи и проблемы обсуждают. Тужилин обычно ложился спать в одиннадцать, но и до того времени успевал нахлебаться разговоров художественных досыта — ведь это же каждый день!

Обычно первые гости приходили по одному, после телефонного звонка, вроде как по делу, а вот затемно, после спектакля или юбилея какого-нибудь могла завалиться и компания весёлая, но это уже не в квартиру, а в мастерскую. Если по делу какому-то приходили, то Альбина Степановна принимала в гостиной за сервированным столом и угощала даже. Но всё равно, если засиживались, то после одиннадцати тихонько перебирались к Александру Сергеевичу в мастерскую, там уже и догуливали.

— Вот посидеть по-семейному, по-домашнему вообще не удаётся, — пожаловалась как-то раз Альбина Степановна Сашке, — понимаешь, раньше — то ЦДЛ, то Дом кино, то Домжур, кафе, рестораны. Там они все сидели, там выпивали, там задачи всяческие решали, договоры договаривали, а теперь — не знаю что! Ну, что я, мёдом намазала, что ли, для всех дом-то наш? Ведь вот к нам прут, кого не ждут. Даже стихами заговорила — не видано! Кстати, Саша, когда я была у твоего батьки в Кержаках, то он мне рассказал про заботу его, связанную с прораном на так называемой Трубе. Мои друзья из управления пожарной охраны обещали помочь, и вот сегодня позвонили и доложили, что вертолёт на этой неделе будет, и трубы канализационные, самые большие, какие найдут, на место поставят. Жди звонка от отца.

— Мамуля, дом ты наш давно уже мёдом намазала, — выскочила из своей комнаты на кухню Полинка, — и мы все, как духовные вампиры, подпитываемся от этих наших гостей постоянных. Как вон Сашенька мой — в лес пойдёт, а там зайчиха с зайчатами на зелёной лужайке играет, он смотрит на них и тоже подпитывается.

— Да, сейчас, в августе — это листопаднички. Это редко случается, обычно зайчихи в марте рождают и в снегу своих зайчат выкармливают. И действительно, правильно ты говоришь — посмотришь на этих весёлых ребят, что по сугробам прыгают, и радостью наполнишься. А то вон ваш Коля Гнатюк принёс новую афишу, хвастает — там он в белом костюме запечатлён. На деле Коля приятный нормальный мужик, а на афише в этом белом смокинге — как официант, что ли? И чем там хвастать-то? Может, он от этой афиши тоже подпитывается?

— Ага — подшитоывается, и мы тоже подшитоываемся! Ты представляешь, Саша, буквально в последнее воскресенье, вас тут не было, приходит Серёжа Куницын, днём это ещё, а его папа — главный редактор журнала “Наше время”, не можем мы ему отказать в нашем доме и нашей компании. Он молоденький мальчик, умный и радостный такой, возбуждённый пришёл и говорит: “Сейчас иду с демонстрации. Это счастье какое: мы идём с Зюгановым, с портретом Ленина, а рядом архимандрит Михаил со всей своей братией и с хоругвями!” Это до какого же идиотизма мы дожили, если Зюганов с Лениным и поп с хоругвями в одном строю, чуть ли не в обнимку, и об этом с восторгом говорит русский писатель — Серёжа Куницын только что книжку написал и выпустил про Маяковского и Есенина. Раскопал он где-то ещё какие-то подтверждения, что их обоих ГПУшники убили и никаких самоубийств не было, хотя эти сплетни уже надоели всем.

— Ну, что ты, мама, Серёжа действительно хороший и умный мальчик, а то, что он экстравагантный, так это все знают. Кстати, он сегодня вечером придёт — я обещала познакомить его с Иосифом Давыдовичем. Он ведь будет, ты говорила?

— Полина, Куницын к нам постоянно шастает, так это только потому, что он на тебя глаз положил. Но теперь я его отважу, если он сам не поймёт, что место занято. Ребята, я так счастлива за вас, за вашу любовь. Ведь такое редко случается. А Иосиф будет. И Савва Ямщиков с Мишей Шварцманом придут ещё. Они хотят поговорить о новом заказе, очень денежном, с папой. Даже не о заказе — Питер готовится отмечать трёхсотлетний юбилей, и хотя до юбилея ещё далеко, но завтра там, в Питере, состоится первое заседание экспертного совета. В этот совет входят сто пятьдесят человек, и наш папа в том числе. Под это дело я зарегистрировала на вас троих новое предприятие ТОО “Академия реставрации”. Надеюсь, что кое-какие заказы от Собчака мы получим, а потому завтра нам надо быть в Питере. Сегодня папа хотел кое о чём поговорить с Иосифом, он очень доверяет Иосифу Давыдовичу, когда речь идёт о деньгах. Помнишь, как Иося Володю Мигулю продвинул, а ведь всего-то навсего научил того, как деньги заработанные делить надо: тридцать процентов отдай тому, кто тебе заказ подогнал, тридцать на раскрутку пусти, то есть на рекламу потрать, там, на радио или телевидении отдай, кому надо, а вот на остальные живи. Когда Мигуля триста рублей зарабатывал, так он с воды на хлеб перебивался: на оставшиеся ему сто рублей не очень-то в Москве разживёшься, если ещё и комнату надо снимать. Когда тридцать тысяч долларов стал зарабатывать, то на десять тысяч стал жить. Зато теперь у Мигули и “мерседес”, и сам он весь упакованный. Иосиф рассказывал, помнится, как его, ещё совсем зелёного, в первый раз на гастроли за границу, в Болгарию или в Грецию, оформляли, и опытные ребята из Министерства культуры подсказали, чтобы он для Кати Фурцевой из загранки шубу привёз. А денег ему на поездку в обмене дали — как раз в обрез на две шубы хватало. Так он обе шубы Фурцевой-то и подарил. Она оценила! Уж не знаю, зачем ей столько шуб надо было, наверное, каждый, кого она на гастроли отправляла, ей по шубе и привозил! Только с заграничными гастролями после того случая у Кобзона всё стало просто отлично.

Так сидели они и болтали, пока сумерки плотно не заполнили жилые комнаты, и лица совсем уже стали неразличимы. Александр Сергеевич вошёл шумно, включил все люстры, бра, и сразу запахло живопиесью, масляными красками и растворителем: перемазан был Александр Сергеевич изрядно.

— Вы тут заболтались, а я там заработался. Кстати, Альбина, там у меня в мастерской сейчас Галина была, так вот...

— Какая Галина?

— Ну, какая Галина, какая Галина? Галя-труба. Я тебя прошу — с ней будь полюбезнее, она тебя боится с некоторых пор. И ещё — дай мне всё чистое, я под душ пойду.

— Иди под душ, я тебе всё принесу, а насчёт полюбезнее, так любезнее, чем я, уже и не придумаешь.

— Мама, а почему Галя-труба? Она такая интересная и добрая тётка. Ей сколько лет, лет пятьдесят уже? И кем она сейчас работает?

— Да, пятидесяти-то ей, наверное, нет, а вот сорок есть точно. Работает она художником по костюмам в Большом театре, а вот почему труба, а потому и труба, что добрая. Это вообще у Миши Шварцмана лучше спросить, он интереснее расскажет, он в лианозовскую группу, по-моему, входил когда-то, хотя и на Масловке жил, а Галина эта тоже к лианозовским какое-то отношение имела.

Раздался звонок в дверь.

— Непонятно, — через губу промолвила Альбина Степановна, — свои все знают, что двери у нас днём не закрываются. Кто бы это? Саша, открой.

Но открывать двери не пришлось: в комнату прошли с шумом и разговорами сразу трое.

— Звонки — это предупредительные, а то, может, кому-то одеться надо, а тут мы.

9

Пришли три художника, все трое бородатые: Савва, Миша и...

— Знакомьтесь, это Вова — художник, — представил Савва, — тоже наш, когда-то лианозовский.

— Ой, Савва, Савва, — защебетала Полинка, — а вот вы знаете Галю-трубу? А может, и ваш Вова-художник знает?

— Вова, ты помнишь Галю-трубу?

— Конечно, помню, только не знаю: вашу Галю-трубу я помню или не вашу. И вообще, вы про Галю-трубу или про Таню-трубу? — ответил только что представленный гость этой квартиры.

— Про Галю, про Галю! Вова, а расскажите, почему она Галя-труба и какой секрет с ней связан?

— Полинка, ты подожди. Сначала поставь чайник, подай фужеры для шампанского, а потом Вова тебе всё расскажет. Ты замуж ещё не вышла? — прогудел Савва.

— Нет — через две недели.

— Значит, пока без некоторых подробностей он тебе расскажет.

— Так, может, лучше через две недели с подробностями рассказать? — спросил, хитро улыбаясь, художник Вова.

— Нет, нет, давай, Вова, сейчас, и со всеми подробностями, а потом бери свою революцию делать, — опять загрохотал на всю комнату Савва. — Ты знаешь, Альбиночка, Вове позвонили сегодня и попросили прийти на защиту Белого дома. А он вот — за нами зашёл, с собой позвал. А я по-дружески Юре Лужкову позвонил, и он мне сказал, чтобы я никуда не ходил и ничего не защищал. Мы ведь с Лужковым в детстве в одном бараке жили. Как, по-твоему, надо нам идти защищать Белый дом или нет?

— Никто отсюда на защиту никакого Белого дома не пойдёт — это приказ. И никакой политики в этом доме никогда не будет. Рассказывать подробности того, что сейчас в стране происходит, я не могу. И не могу не потому, что не могу, а потому, что не знаю и никто не знает.

— Ну, меня-то уже ждут, Альбина Степановна, — прогнусавил как-то противно Вова-художник.

— Тогда вот ты и катись на свои баррикады, но сюда больше не приходи.

— Тогда я побегал. Так, только сначала слушайте: я расскажу вам про Галю-трубу, а может, это и про Таню-трубу. Хотя, в принципе, это без разницы. Я тоже долго не мог понять, почему она Галя-труба. Вот уже жизнь прожил, а до сих пор не знаю: можно шизофреникам в брак вступать или нельзя? Не подумайте — я не про себя.

Так вот, лет двадцать с гаком назад наша Галя-труба была хозяйкой довольно известной квартиры на Трубной площади, где по вечерам собирались поэты, художники, артисты и прочие сумасшедшие, пили вино, чай, курили и трепались. Галя-труба была барышней в теле, смуглая южная красавица, и голос у неё был звонкий и громкий, как походная труба. Папа у неё был генералом, служил где-то в Сибири и квартиру ей снимал в Москве — только бы она к нему не возвращалась. Просто Галя приехала сюда в Москву,

чтобы учиться в театральном училище, да не поступила, вот и застряла. Я долго считал, что она была Трубой по той причине, что жила на Трубной площади, но это оказалось не так. Всё оказалось куда сложнее. Думаете, она пирожные-трубочки любила? Нет! Влюблены были в неё Дима Иткин и Илья Битман, оба проверенные медицинским способом шизофреники. Кто их помнит, может это подтвердить. Законченные шизики, проверять не надо. Оба они предлагали Гале руку и сердце, и всё безуспешно. Безуспешно потому, что Галя им обоим подробно объяснила — шизофреникам брак запрещён. Это самое дело, ну, интимное, — пожалуйста, а в законный брак — нет! И жила она и с Ильёй и с Димой по очереди или сразу вместе — не поймёшь уже сейчас. Потом случилось, что Дима всё же женился на Гале, и Илья Битман так разволновался от этого, что даже стрелялся. Это от неправильно разделённой любви. Но стрелялся он из какого-то самопала, а потому только руку обжег. А перед этим он довольно долго пытался выяснить, почему ему, психу, жениться не разрешают, а Иткину, тоже психу, разрешили. То ли Иткин не шизофреник, то ли его папа, профессор, с кем-то договорился. Вот такая история. В общем, Олег Клошкин мне потом всё объяснил про Трубу, в смысле — почему она Труба! У Гали были перевязаны фаллопиевы трубы, и она своим мужчинам всегда об этом говорила, предупреждала, чтобы они ни о чём не думали и не волновались по поводу залёта. Да она тоже, наверное, шизофреничкой была, потому и разрешили им жениться.

— Фу, какая гадость! — фыркнула Полинка, взмахнув одной рукой, словно больная птичка, и прошла в свою комнату, хлопнув дверью.

Пока Вова-художник рассказывал свою историю, Альбина Степановна с телефонным аппаратом ушла на кухню, плотно закрыв за собой дверь. Но довольно скоро, выйдя снова в гостиную, она решительно приказала:

— Ты, Вова-художник, быстро собираешься и уходишь, вы двое ждите, а ты, Саша, — она как-то замедленно ткнула пальцем в сторону Тужилина, — иди, поговори по телефону там на кухне.

— Аля, там что-то случилось? — услужливо спросил Савва.

— Да, случилось, но вас это не касается. Это семейное. И, в общем, довольно серьёзно всё. Наверное, никакого разговора делового не получится у нас с вами сегодня, друзья. Мы завтра в Питере должны делами заниматься, а у Саши папа погиб. Так что никаких пока что соблезнований, потихонечку собирайтесь, а мы будем думать, как дальше жить. Только, ты, Вова-художник, и вы, друзья мои, — не советую я вам ходить к Белому дому, купите-ка вы лучше бутылку да шли бы к кому-нибудь в гости. Там, у Белого дома, всё будет по-взрослому. Не завтра, так через неделю.

Трое художников-бородачей как-то сразу засуетились, засобирались, а Савва неуклюже ткнулся целовать ручку Альбине Степановне на прощание. Но она это не одобрила, а довольно уверенно, окучивая двумя руками, двинула своих гостей на выход.

Саша Тужилин сидел на кухне с телефонной трубкой в руке, и на всю кухню из неё разносились зовущие короткие гудки. Полинка стояла перед ним на коленях, обняв Сашины ноги и положив на них голову.

Звонил по телефону Варакин. Это он говорил сначала с Альбиной Степановной, а потом и с Сашей.

Тужилин-старший руководил установкой в проране бетонной трубы большого диаметра, которую притащил на стропях в этот лесной край пожарный вертолёт. Она должна была закрыть проблему с ежегодным прорывом дамбы. Планировали поставить два пятиметровых бетонных слива диаметром восемьсот сантиметров. Беда случилась ещё до обеда. Как Тужилин соскользнул в эту яму с болотной жижей, в которую ложилась труба, никто не понимал. Выдернуть трубу вертолёт сразу не смог: в ней весу две или три тонны, а её ещё и засосало сразу. В общем, пока пригоняли экскаватор, а потом ещё и подъёмный кран...

По распоряжению Вадима Базарова, полковника КГБ, который теперь стал руководителем службы безопасности губернатора, генеральская чёрная “Волга” за Сашей Тужилиным в Москву давно вышла и должна быть у его дома на Арбате примерно часа через два.

Альбина Степановна пыталась взять переговорный процесс в свои руки, объясняя по телефону сложное, почти революционное положение, складывающееся в Москве: баррикады, военные патрули, толпы народа. Варакин жёстко подавил её призывы, пояснив, что ситуация московская им хорошо известна, все решения уже приняты, и машина со спецсигналом, радиотелефоном и всеми представительскими пропусками через пару часов заберёт Сашу с Полиной.

— Полинка, солнышко моё, иди, собирайся, у нас два часа, — почти шёпотом произнёс Сашка.

Глаза его были сухими и холодными, но голова чуть заметно тряслась. Сам он при этом провалился в какой-то туман, и звуки и голоса доходили к нему откуда-то издали; даже те слова, которые произносил он сам, казались ему чужими, а картинка перед глазами казалось нереальным сном, и понимал Сашка, что сейчас он потеряет сознание.

— Вот выпей, это валерьянка. — Альбина Степановна сунула силой в руки Сашке хрустальный наполненный стакан, а сама уже наливала во второй коньяк из фигуристой большущей бутылки.

Только выпив две эти ёмкости, Сашка вернулся из пропасти полузабытья.

— Саша, мы с тобой сегодня никуда ехать не можем. — Это уже Полинка гладит его по голове. — Сейчас ты успокойсь, а завтра мы все вместе едем в Питер, там судьба наша решается: и папина, и наша с тобой. Мы поедем в Кержаки на девятый день, бывает, что так иногда делают.

— Полинка, солнышко, ты что, с ума сошла? Так делают, когда больше никаких вариантов нет, а за нами уже машина идёт. Собирайся!

— Саша, Полинка правильно тебе всё говорит: поедете на девятый день. — Это снова врезалась Альбина Степановна. — Ну, хочешь, я сейчас Варакину позвоню и объясню ему всё. Ты понимаешь, что завтра в Питере решаются такие деньги, от которых отказываться нельзя и которые второй раз в жизни не предлагаются. Собчак зовёт. Это почти приказ. Там миллиарды, там миллионы долларов, там будет обсуждаться празднование трёхсотлетия города, которое уже почти на носу. Неделю назад я зарегистрировала новое предприятие ТОО “Институт реставрации” на вас троих с Полинкой и с папкой, и наш институт, и мы все там заявлены в экспертную комиссию. Что-то должно там обломиться и нам. А возможно, что через год вы с Полинкой уже переедете жить и работать в Питер. Всё решится завтра.

— Альбина Степановна, мне насрать на ваши деньги, на ваши миллиарды и на вашего Собчака! Вы понимаете, что у меня папа умер... Папа погиб!..

— Саша, у всех папы умирают, у меня три года назад тоже папа умер. — Это уже Александр Сергеевич влез совсем не по делу.

— Да вы понимаете разницу: то был ваш папа, а это мой папа. Ведь любая смерть — это с какой стороны посмотреть. Это же большая разница, как несчастье и беда. Что же ты этого-то даже не понимаешь, Александр Сергеевич!

Дверной звонок ударил неожиданно — не ждали так быстро. Альбина Степановна открыла дверь, и всем было слышно, как она сказала кому-то:

— Мы сейчас спускаемся, ждите.

Полинка чмокнула Сашу на кухне в щеку. Альбина Степановна спустилась с ним во двор. Синий милицейский проблесковый маячок тревожно вращался, бликами освещая тесный тупик московского дворика.

— Господи, упокой душу отца твоего, Саша. Пусть земля ему будет пухом... Ты, наверное, больше не вернёшься, не приедешь?

— Приеду, Альбина Степановна, через десять дней. Вы там, на работе, моим объясните, скажите, что я административный напишу.

— Скажу, Саша. Возвращайся скорее. И прости ты нас.